

КАТИ БЕЯЗ

МЕНУАРЬ

СВЕДЬМЬ

Мемуары Ведьмы

Кати Беяз

Мемуары Ведьмы 2

«Автор»

2023

Кати Беяз

Мемуары Ведьмы 2 / Кати Беяз — «Автор», 2023 — (Мемуары Ведьмы)

Приключения Киры продолжаются. Чем больше она узнает от бабушки о мире магии, тем больше вопросов возникает голове еще не созревшей ведьмы. Ей кажется, что почти на все из них можно найти ответы здесь и сейчас. Но порою для получения правильного ответа не достаточно надежного источника. Порою мы просто не готовы осознать всю правду, которую он несет. В книге второй вас ждет раскрытие тайны рода героини, первый шабаш в жизни маленькой ведуньи, самый настоящий вампир, что поселился на соседней улице, немного выдумки и много правды, в которую так трудно поверить.

© Кати Беяз, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Введение	5
Колдовская любовь	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кати Беяз

Мемуары Ведьмы 2

Введение

Отчётливо понимая, что не могу говорить, я просто одобрительно кивнула. Набравшись смелости и вновь оттолкнувшись от сосны, я полетела в сторону дома. Этот полёт теперь был абсолютно таким же, как если бы я плыла в воде. Наконец-то окончательно поняв, как летать, моё тело, а точнее, дух стал практически невесомым, хотя какой-то вес я всё же имела. С небольшим усилием раздвигая воздушные массы и отталкиваясь от них, я вполне могла набирать скорость, а потом свободно лететь по инерции вперёд.

Так я добралась до дома, аккуратно спустилась и прошла сквозь входную дверь. За столом по-прежнему сидели мои старики.

– Это только моя вина, она ещё такая молодая, – бабушка насухо вытерла щеки, что уже в следующее мгновение снова были влажными от слез.

– Не надо, перестань. Сейчас все люди этим болеют, и никто не знает, отчего именно эта болезнь. Причину не нашли...

– Ровно как и лекарство, – перебила ведунья. – Я бы всё отдала, чтобы уйти вместо неё, – обречённо произнесла она и закрыла лицо руками.

– И я бы отдал, – обняв её, успокаивал дедушка. – И мы отдадим, когда нас позовут.

Я прошла к своей кровати, поняв, что они меня не видят и не чувствуют. Склонившись над ней, я увидела себя. Моё лицо было невыразимо бледным, щеки впали, глаза утонули в черных кругах. Лоб покрывал валик из мокрого полотенца, а рот с бледными губами был открыт. Несмотря на весь жалкий вид, у меня почему-то не возникло никаких чувств, даже намёка на тоску по своему брэнному телу. Я понимала: то, что лежало на кровати – моя оболочка, и эта девочка, она не имеет ничего общего с тем, кем я на самом деле являюсь.

Колдовская любовь

Глава 1

Поднявшись по высокой лестнице на веранду соседского дома, я еле заметно вздрогнула, увидев вновь дядю Володю. На мгновение мне показалось, что мы опять отправляемся в скрытое место. Я задержала дыхание, ведь при одной мысли о нём мне становилось нехорошо физически.

– Куда собираешься, дорогой сосед? – слышался бодрый голос бабушки.

– На базар за новым колесом, соседushка, – отозвался Владимир.

Он явно находился в приподнятом настроении, полон надежд больше никогда не видеть колдовское кладбище, ровно как и я. Всё было позади, и этим утром они болтали так, словно, обрели какие-то новые особо тёплые приятельские чувства друг к другу. Или, скорее, даже такую дружбу, что объединяет людей общими тайнами и событиями, в реальность которых, кроме них самих, никто никогда не поверит.

– А предыдущее где купил? – улыбочиво спросила она.

– На том же базаре и купил.

– Тогда нам с тобой по пути.

– Как скажешь, – кивнул Владимир.

Наш сосед не был болтлив, суетлив и обосо эмоционален. Он практически не обладал чувством юмора и находился всю свою жизнь в каком-то размеренно-нейтральном состоянии. Я никогда не видела его злым или утопающим в веселье. Поникшим или чрезмерно возбужденным. Но это был человек слова и дисциплины, и если он брался за дело, то непременно доводил его до конца. Мой дедушка очень уважал Владимира и часто ставил его детей мне в пример, которые, словно маленькие папины копии, помогали по хозяйству и отцу в работе.

Воскресный базар находился близ города в паре километров от деревни. Мы сели на мотоцикл с коляской, которым наш сосед пользовался для подобных нужд, и уже довольно скоро оказались на огромном рынке.

Там было всё: от живности и продовольствия до самодельной мебели и запчастей. Сюда съезжались жители трех сёл, чтобы продать урожай, домашнюю выпечку, утварь ручной работы и даже животных. Именно туда лежал наш путь – сквозь ряды овощей и огородной зелени, уточек и курочек, домашних яиц и парного молока. Запах свежееиспечённого хлеба напомнил мне о точно таком же дне, когда я беззаботно прогуливались с бабушкой за руку. Когда я ещё ничего не знала о заколдованных местах, демонах и чёрных ведьмах. Я просто смотрела на солнце сквозь растопыренные пальцы и откусывала наивкуснейший хрустящий хлеб.

Всё, что происходило со мной до этого лета, сейчас казалось нереальным и увиденным где-то в кино. Я очень изменилась. Теперь я, как никогда прежде, стала чувствовать разницу между человеком, забывшим магию, и человеком помнящим.

Окружившая суета виделась приятным весёлым сном, в то время как события прошлой ночи представлялись реальной жизнью без прикрас. Шокированный мозг мог легко обмануть, но мои внутренние ощущения говорили об обратном: всё пережитое в скрытом месте имело намного больший смысл для жизни каждого из нас, чем эти каждодневные будни.

В своих размышлениях я не заметила, как бабушка подошла к продавцу деревянных изделий. В надежде услышать разговор, я протиснулась между тучной женщиной и бабушкой.

– Где вы взяли колесо для телеги, что покупал вот этот человек, Василий? – закричала бабушка, демонстрируя продавцу нашего соседа.

– Я сам всё делаю своими руками, – отмахнулся смуглый мужчина.

– А материал где берёте? – сквозь гомон продолжала кричать бабуля.

– Какой еще материал, – недоумевал он.

– Доски, доски! – принялась жестикулировать ведунья.

– Да в разных местах покупаю. Бывает собираю. Смотрю, чтобы дерево хорошее было и цена по карману не была, – радуясь неожиданной рифмовке, отозвался продавец.

Бабушка пронзительно глянула на него и, не уступая профессиональному сыщику, продолжила допрос:

– Подбирал где заброшенные доски в местах, которые люди стороной обходят?

Смугляк зашелся смехом:

– Во-первых, для меня все места одинаковые! А во-вторых, если доски хорошие, из добротного дерева и не прогнили, то чего ж им без дела валяться-то? А что там небылицы рассказывают, так, по-ихнему, нигде не ходи и ничего не трогай!

– И много набрали в том месте?

– Я не считал, но на колесо ваше я доски у лесника забрал. Свежий молодняк он мне продал, а эти старые отдал даром в придачу. Из тех, что были получше, я смастерил кровать, а из остатков – колесо.

– Кровать? – ведунья схватила за голову. – А лесничий где старые доски взял?

– Ну да, правда что – где ж лесничий доски-то взял? – паясничал продавец. – Он же в лесу живёт, откуда там доскам из сосны-то взяться!

Он раздражился чередой вопросов, которые не имели к его сегодняшним продажам совершенно никакого отношения, и перестал реагировать на бабушку.

– Какое село? Откуда лесник?

Мужчина делал вид, что не слышит нас.

– Эй, сынок... Где лесничего найти? – замахала руками бабушка.

Я принялась оглядываться, мы начинали привлекать слишком много внимания. Это поразительно, но мне порой казалось, мою бабушку совершенно не волновало, как мы выглядим со стороны. Ей было плевать, что о ней подумают, как её слова слышатся и какую реакцию вызовут. Она всегда и везде преследовала свои личные цели, свой собственный интерес. Я же, наоборот, входила в пору зависимости от общественного мнения. Меня особо волновало, как я смотрюсь со стороны, как мои слова звучат и какие мысли вызывают. Этим моя жизнь неимоверно усложнялась, ведь я старалась быть идеальной, выглядеть безупречно. Но когда я достигала этой безупречности, напасти не заканчивались, и после мне становилось стыдно за поведение моих близких. Я тщетно тянула бабушку домой, дабы о ней потом не говорили сразу в трёх селах как о грубой, бестактной и глупой женщине.

– Слушаю вас, бабуля, – наконец откликнулся смугляк, – давайте уже либо корыто, грабли покупайте, либо вон за овощами отовариваться.

– Мне бы действительно хотелось купить сейчас грабли, чтобы... – конечно она хотела сказать «чтобы огреть тебя ими», но вовремя сдержалась. – Кому продал кровать хотя бы скажи!

– Парочка приходила. Им и продал!

– А где живут, как звать?

– Визиток не оставили, – огрызнулся он.

Я хотела уйти, я очень сильно хотела уйти. Люди вокруг начинали шептаться. Потянув бабушку за руку, я снова почувствовала сопротивление. Она не была намерена оставлять неговорящего продавца в покое, пока не получит от него нужную информацию. Я пристально взглянула на него. Он торговался со стариком, не уступая в цене. Сосредоточившись на его затылке, я мысленно произнесла:

«Повернись и расскажи, что знаешь!»

В то же мгновение мужчина повернулся и произнес:

– Живут где-то недалеко от рынка в своём двухэтажном доме. Угостили меня мешком слив. Сказали, что девать некуда, весь сад ими усеян. Больше я, видит Бог, ничего не знаю, – он приложил ладонь к груди, а после снова отвернулся к старику.

– Больше ничего не знает... – задумчиво произнесла бабушка. – Так, пойдем отсюда, – она принялась выводить меня из толпы.

Сосед купил недостающее колесо, правда уже у другого мастера, и взгромоздил его в небольшой прицеп позади своего транспортного средства.

– Володь, надо разыскать эту парочку с кроватью, – найдя его на стоянке, оповестила ведунья.

– Валь, на кой тебе та кровать? – кажется, даже у дяди Володи заканчивалось терпение.

– Послушала бы я тебя, если бы посчастливилось тебе поспать на том «чёртовом колесе», – с ухмылкой ответила она, похлопала соседа по плечу и забиралась на мотоцикл.

– Тут с тобой не поспоришь, – вздохнул он и завел мотор. – Но сначала надобно заскочить домой, – махнул он на прицеп, – а то ездить мне на телеге и на поле, и по делам.

Мотоцикл накренился, зарычал и, выдерживая немалый груз, медленно покатился. Владимир подбросил нас до дома, и мы погрузились в свой обычный день. Бабушка что-то пекла, я занялась уборкой, а дедушка стучал молотком на веранде. В перерывах между мытьем окон я то и дело подбегала к своему блокноту и делала пометки, стараясь записывать всё: любую мелочь, каждую эмоцию, даже самую неприятную мне. Бабушка хвалила меня за такое отношение к делу, но в то же время посмеивалась над моей щепетильностью.

– Поверь, никому не интересно, какой именно травой окуривают помещение, а какую не стоит жечь в стенах дома...

– Почему? — удивилась я.

– Люди привыкли к потребительству. Покупая лекарство, они в спешке пьют его, даже не думая прочесть состав. Помощь должна быть быстрой и результативной полагают они. Именно поэтому на смену фитотерапии пришла фармацевтика. Кстати, ты стыдилась меня на базаре. Почему? – огорошила она вопросом.

– Нет, я не стыдилась... – соврала я.

– Разве тебе стыдно, что твоя бабушка свободна от мнения людей?

– Свободна? — вздёрнула я брови. Формулировка явно загоняла в тупик.

Мне было стыдно не за её свободу, а за её бестактность.

– Я свободна от страха быть неправильно понятой. И это вовсе не оттого, что мне нравится докучать людям. Это лишь потому, что я преследую другие цели. Есть вещи поважнее, чем нравиться всем, понимаешь? Однажды, попробовав быть свободной от мысли, что ты докучаешь кому-то, ты уже никогда не сможешь быть скованной этой цепью. Страх быть «не такими» связывает нас по рукам и ногам. Как часто мы хотим что-то сказать, но не говорим? Нам надо было бы что-то спросить, но мы не спрашиваем. Нам стоило бы остаться, но мы уходим – во благо кому-то, но во вред себе. Свобода начинается, когда ты делаешь и говоришь, что хочешь. Без страха быть непонятым.

– Но есть же границы приличия! – воспротивилась я.

– Да, есть! И для этого были придуманы слова приличия. Но мы ведь сейчас не о словах, а о действиях, – хитро глянула она. – К сожалению адрес в ритуальной книге не написан, поэтому и приходится докучать одним людям, чтобы спасти других. Запомни раз и навсегда: мнение общества ограничивает свободу.

– И как именно?

– Оно будет призывать тебя вместо дерзкого разговора, выгодного тебе, к вежливому молчанию, выгодному ему. Я не докучаю людям без дела, но если дело того требует, я буду им докучать.

Мои щеки запылали. Мама говорила, что начинается мой переходный возраст, и он всё чаще давал о себе знать. В погоне понравиться всем и не прослыть невеждой я уходила всё дальше от тем действительно важных вещей, требующих концентрации и настойчивости. Даже ценой правды о «чёртовом колесе» и чьего-то благополучия я могла прекратить расспрос этим утром лишь потому, что продавцу не понравилось наше надоедливое поведение. Разумеется, это было трудно назвать свободой. Я не делала того, чего действительно желала, и тем более того, что было по-настоящему важным. Стараясь вести себя так, как желают другие, я не хотела задумываться, какую цену приходится платить за их минутную симпатию к моей персоне.

Бабушка решила меня подбодрить и подошла к блокноту с записями. Прочитав несколько строк из него, она вдруг звонко рассмеялась.

«Ну, что ещё там не так?» – покосилась я.

– Почему ты смеёшься? Я просто хочу всё помнить, когда начну писать книгу! – моему терпению приходил конец.

– Нет, я не смеюсь! Ты делаешь поистине большое дело, и я рада, что ты стараешься делать на пределе своих возможностей. Мне просто жаль твоих трудов, ведь никто не поверит в эти истории.

– Вот поэтому, кроме событий, я ещё записываю свои чувства. Наши эмоции живут всего мгновение, детальные воспоминания событий живут один год, но воспоминания, подкреплённые эмоциями, остаются навсегда!

Взгляд бабушки вмиг переменялся – с ироничного на полный гордости за своё чадо. Я же с видом профессионального писателя продолжила свои записи. Мгновение спустя она снова заговорила:

– Кто тебе это сказал?

– Ты! – простодушно ответила я.

Мы от души рассмеялись.

– Теперь ты знаешь, почему я всё записываю!

– Почему?

– Потому что ты всё забываешь!

– Иди-ка писать на веранду, – отходя от смеха, произнесла она. – А как закончишь, помой в саду свою обувь от кладбищенской грязи.

Сделав несколько очерков ужасов прошлой ночи, я спустилась в сад и уселась перед своими сапогами так, будто собираюсь поговорить с ними о чём-то очень личном. Если бы можно было вымыть намертво прилипшую глину одной лишь силой мысли, упорно вглядываясь в неё, мои сапоги сейчас блестели бы словно новые. В этом была моя особенность, которая относилась к любому виду деятельности: когда я не хотела что-то делать, то всё мое существо противилось этому. Просидев с минуту, я решила дать подробную зрительную оценку количеству прилипшей грязи ещё и со стороны подошв. Перевернув оба сапога одновременно, я заметила длинную деревянную щепку, застрявшую в глине.

Я испуганно оглянулась – на дворе было пусто. Боясь дотронуться до нее, я вдруг представила, что ради этого куска дерева нам придется возвращаться на кладбище.

«Этому не быть!» – подумала я и одним рывком освободила её.

Отряхнув остатки грязи, я покрутила щепку в руках. Эта была самая обычная деревяшка. Замахнувшись, чтобы выбросить её подальше, я внезапно вспомнила, что колдовские символы проявлялись исключительно ночью. При свете дня знаки были совсем не видны. От одной мысли, что они всё же там есть, в голове начинала стучать кровь. Как же мне было страшно возвращаться на колдовское кладбище из-за ничтожно мелкого куска дерева, но и хранить столь серьёзный артефакт было крайне опасно. Сквозь нарастающий стук сердца я услышала, как к калитке подъехал мотоцикл. Мне было необходимо принять самостоятельное решение относительно данной находки. Здесь и сейчас.

– Я нашёл нужный дом совсем недалеко от базарной площади, – крикнул дядя Володя. Задрав голову, я увидела в окне бабушку.

– Спросил у хозяина, не он ли в прошлое воскресенье купил на базаре деревянную кровать, – продолжал рассказ сосед.

– Отлично! – раздалось над моей головой.

Она высунулась из окна и вполне могла увидеть меня со щепкой в руке, если бы сильно этого захотела.

– Сейчас же и поедем, пока не стемнело, – сообщила она, кажется не обращая на меня никакого внимания.

Мне ровным счётом ничего не оставалось делать, как засунуть деревяшку в карман и оставить решение вопроса на тёмное время суток.

Уже очень скоро мы проехали опустевший рынок и продолжили свой путь в сторону соседней деревни. Я приводила мысли в порядок, успокаивая себя, что щепка не работает. Уверенная, что вечером не увижу от неё ровно никакого свечения, я рассчитывала просто выкинуть этот мусор подальше от дома.

Солнце перегнуло зенит, и вскоре мы остановились у большого каменного дома, окружённого низкими деревьями. Калитка была открыта, и мы прошли во двор. Трава была усеяна сливами, а садовые деревья пригнулись к земле, не выдерживая обильного урожая.

– Какая хозяйка плодovitая, – сощурилась бабушка.

– Это ты по сливам поняла? – недоумевала я.

– По ним самым...

– И как же?

– Примета есть такая! Сливовое дерево крайне чувствительно к женской энергии. И если таковой в избытке у человека, то и у дерева плодов прибавиться.

– Это правда? —изумилась я.

– Конечно! Есть и обратное действие, в отварах от бесплодия всегда основным компонентом является высушенная и измельченная слива.

Мы дошли до веранды и бабушка постучала. Дверь открыл высокий мужчина с белыми кучерявыми волосами и голубыми, как летнее небо, глазами. Бабушка улыбнулась и представилась ему. Она вкратце, впрочем, как могла, рассказала о «чёртовом колесе» и о возможной опасности от их новой кровати. По её рассказу было понятно, что если у хозяина дома начали происходить странности, то он быстро смекнёт, зачем мы пришли. Если же проблем никаких нет, то бабушка ему покажется просто навязчивой старушкой с бурным воображением.

Молодой человек выслушал нас и вышел на крыльцо, осторожно закрыв за собой дверь. Он предложил прогуляться вдоль леса, никак не решаясь начать разговор. Разминая тонкие пальцы, он уводил нас всё дальше от дома, с опаской поглядывая на окна.

– Дело в том, – наконец, начал он, – что жена моя сильно изменилась за эту неделю.

– Да, и как же? – подначивала она.

– В первую ночь после покупки кровати мы легли в неё вместе, как подобает молодожёнам. После полуночи я проснулся от истошных криков Лизы. Мне удалось её успокоить, однако пришлось перейти спать в другую комнату. С тех пор она меня больше к себе не подпускает. Спустя пару дней жена совсем охладела ко мне. Мне стало всё чаще казаться, что я раздражаю её и она просто терпит моё присутствие рядом, – тяжело вздохнул он.

– Хм, – задумалась бабушка. Она явно ожидала услышать совсем другой рассказ.

– В то же время перед сном она выбирает лучшее платье, вызываясь красится и укладывает свои волосы так, словно идёт на свадьбу. Надевает туфли на высоком каблуке и так, вообразите, ложится спать! Всю ночь я хожу и проверяю, не ушла ли она куда. Но она беспременно спит до самого утра! Ко всему прочему, добудиться её просто невозможно. Утром жена

встаёт в приподнятом настроении, напевает песни, не замечая меня, своего мужа. Ведёт себя так, будто меня здесь нет, словно она живёт одна.

– Путешествует по ночам? – обронила бабушка.

– Но куда? – тут же подхватил молодой человек.

Ведунья хорошо понимала, что путешествовать на этой кровати она может только в скрытое место, а значит исключительно на колдовское кладбище. Но это, пожалуй, было последним местом, куда хотелось одеть своё лучшее платье.

– Кровать сделана из колдовских досок, и куда это колдовство её отправляет нам ещё предстоит узнать, – уходила от прямого ответа ведунья.

– Значит, жена просто под колдовскими чарами? Она не разлюбила меня?! – воспрял духом собеседник.

Бабушка никогда не поддерживала идей и теорий, в которых не была уверена. Она не стеснялась говорить, что не знает. Но предположение мужчины было вполне разумным.

– Дорогой Леонид, – бабушка остановилась и повернулась к спутнику лицом, – я хочу вам дать ответственное задание! Вам предстоит проверить кровать на наличие светящихся в темноте знаков.

Бабушка опустила момент, что если они действительно там есть, то ему придётся вывозить кровать на тайное кладбище. И, судя по настрою жены, это не будет самым простым предприятием.

Бабушка рассказала, где нас найти, и горделиво добавила, что её дело – предупредить. Дальше всё будет зависеть только от них самих. Молодой человек заметно воодушевился, получив надежду. Он заторопился пригласить нас в сад, попросил подождать пару минут и заскочил в дом.

Я прогуливалась вокруг, дядя Володя протирает от дорожной пыли свой мотоцикл, а бабушка рассматривала местность. Дом был сделан из деревянных брёвен красивой ровной кладкой. Крыша выглядела довольно размашистой с большим скатом, по обе стороны которого находились окна второго этажа. С торцов красовались широкие балконы – судя по всему, это были балконы спальни, занавешенные белыми прозрачными занавесками.

Это не был сельский дом, эта была усадьба и выглядела она шикарно. Вдруг мой взгляд привлекло шевеление занавески в окне второго этажа. Её аккуратно кто-то отодвинул, и я увидела бледное лицо в обрамлении тёмных кучерявых волос. Чёрные, словно угольки, глаза осмотрели двор и остановились на бабушке. Лицо хозяйки дома не блистало гостеприимством, а ярко-красные узкие губы отодвинулись вбок в недовольной ухмылке.

Дверь отворилась и на крыльце появился Леонид. В руках он держал огромный пакет со сливами.

Глава 2

Сидя в коляске мотоцикла и обнимая сливовый трофей, я с тревогой смотрела на горизонт. Он окрасился красным. Солнце уже исчезло, подтягивая за собой последние лучи, но луна ещё не взошла. Я любила ночь, но не любила сумерки. Они всегда вызывали во мне какую-то необъяснимую тревогу – словно каждый раз смена небесных тел над головой заставляла сомневаться в обратном их появлении. Тогда я ещё ничего не знала о сумрачном месте. Об этом странном месте, что располагается на границе миров, я узнала намного позже, однако некто внутри меня каким-то непостижимым образом прекрасно знал о «сумраке».

Когда мы подъехали к дому, уже почти стемнело. Я вылезла из коляски, почувствовав слабый укол в ногу. Щепка, о которой я, кажется, уже забыла, словно ожила и напомнила о себе. Задержавшись на улице и достав её из кармана, я с содроганием увидела, как тонкая черточка на ней блеснула слабым зелёным светом. Всего одна тонкая линия, которая обладала большой магией. Я медленно провела по высеченной букве и та на миг потускнела, точно так же, как и на колесе дяди Володи прошлой ночью. Тревога разрасталась, и сумерки теперь были совершенно не при чём.

Мы сели ужинать. Я всё ещё находилась в полной растерянности.

– Бабуля, как ты думаешь, если заклинание на доске прервано, то эта деревяшка уже ничего не может сделать человеку? —заговорила я.

– Что ты имеешь в виду? —нахмурилась бабушка.

– Черточка от символа, она ведь не способна на такое же колдовство, как и целый знак?

Мне нравилась подобная мысль, она была, на мой взгляд, чрезвычайно логичной.

– К сожалению, любая часть колдовского заклинания работает, как и всё заклинание. Разница лишь в том, что эта часть всеми путями стремится объединиться с истоком. Как шарики ртути, все составляющие одного магического предмета находят дороги друг к другу. Я не знаю, как действует конкретная магия, с которой мы столкнулись и в каких целях, но я точно знаю, что любой оскол дерева с этими символами неизменно будет тянуть человека на могилу колдуна.

– Получается, что колдун всеми силами пытается вернуть части такой важной для него вещи? — заключила я.

– Похоже на то, — вздохнула бабушка, — видать от целостности этого предмета что-то сильно зависит. И кто знает — возможно, он даже оживёт, собрав его, — растерянно отозвалась она, словно не ожидала от себя сделанного заключения.

– Мёртвый колдун оживёт? — воскликнула я, уронив ложку в суп.

– Этого я не могу сказать, но какой тогда смысл от сбора каждой щепки?

«Каждой щепки...» — эхом раздалось в моей голове.

– А о каком колдуне речь? — внезапно оживился дедушка.

Не скрывая удивления, мы уставились на него.

– Скажи еще, что ты много колдунов на своём веку повидал, — улыбнулась бабушка.

Порою он слушал наши разговоры, но, казалось, особого интереса к ним не проявлял. Столько лет живя с практикующей ведьмой, конечно, он верил во всё, что происходило с нами, но будто бы не воспринимал это всерьёз. Он полностью доверял ей. Это была проверка длинной в жизнь. Мне же всегда казалось, что подобным безразличием он словно создавал баланс естественного и сверхъестественного в нашем доме.

– Душа моя, — погладил он себя по седой бороде, — не тот ли это колдун, дом которого сожгли двести лет назад?

– Я никогда не слышала этой истории? Где произошло это, в каком селе?

– Да вроде как не так уж и далеко от нашей деревни. Когда я был босоногим мальчишкой, – начал дедушка свой рассказ, – мой собственный дед рассказывал, как за лесом жил один очень сильный колдун. У него был знатный деревянный дом. Колдун крайне редко появлялся на людях и пропадал там дни и ночи. Жил он совсем один и никому не мешал, если не считать странных событий, которые народ ему приписывал. Поговаривали, что по ночам жители деревни слышат, будто кто-то пролетает над крышами домов, словно огромная птица. Одни говорили, что видели чёрную тень близ его дома, разгуливающую по пшеничному полю. Тень та была небывалых размеров – раза в два выше человеческой. Небылиц много народ придумывал, обвиняя колдуна в дружбе с самим дьяволом. Многие думали, что тень и есть хозяин дома в своём истинном обличье.

– Тень! —шепнула я бабушке. Та лишь сердито глянула на меня.

– Однако, чаще всего мужики поговаривали о том, что если он посмотрит на любую приглянувшуюся ему девушку своим особым чарующим взглядом, то та мгновенно станет его. После такого единственного взгляда девушка уже не могла забыть колдуна до своих последних дней. И если же он её отвергнет, а отвергал он часто, то обрекал любовными страданиями на всю жизнь.

– Что ты говоришь? – лукаво сощурилась бабушка.

– Но самое интересное, что именно так случилось и с моей собственной прабабкой!

Тут ведунье стало не до смеха. Она выпучила на деда глаза и тихо спросила:

– Шутки шутишь, Василий?

– Не шучу, – упрямо закачал головой дед. – Всё так и было! Когда она была молодой девицей, пошли они с матерью на праздник Масленицы. В ту пору сооружали небывалых размеров чучело из лесных веток и сучьев и поджигали его. Это зрелище сходилась смотреть вся деревня. Там, в толпе мать и не заметила, как её дочь пленил чарующий взгляд. Она лишь увидела близ дочки высокого мужчину в чёрном плаще с вьющимися волосами по плечи и тонкой тростью в руке. Именно таким все, видевшие колдуна, и описывали его. Прабабка моя, Мариана, была очень красивой девкой, с большими голубыми глазами да пухлыми губами. На щеках её красовались ямочки, на скулах – румянец, ко всему, природа одарила её копной кучерявых светлых волосы до пояса.

– Теперь понятно, в кого ты такой красивый, – усмехнулась ведунья.

– Генетика, – гордо развёл руками дедуля. – Не вру, парни со всех деревень ходили к ней свататься и даже городские хлопцы приезжали. Мариана всех отвергала и высмеивала. Вместо того чтобы выбрать кого-то в мужья, проводила вечера одна у зеркала либо в окружении подруг, всё ещё подшучивая над женихами. Но с той Масленицы прабабка сильно изменилась. В тот вечер она не отходила от окна, кого-то выглядывая в темноте. Ближе к полуночи с ней приключилась истерика. Всем домом её держали, пока она рвалась в ночной лес.

– Вась, откуда такие подробности-то?

– Дед всё законспектировал, – ответил он, – тебе поди не интересно?

– Интересно, интересно, продолжай!

– Так вот, весь дом успокаивал Мариану, пытаясь выяснить причину подобных мук. Но девушка ничего не объясняла, лишь рвалась прочь из дома, словно дикий зверь. Семья решила запереть её, а наутро позвать городского врача по душевным недугам. Их расстройству не было предела; особенно горевал отец семейства. Был он у нас зажиточным крестьянином и всю жизнь заботился, чтобы выдать дочерей за городских женихов с титулом, обеспеченных, чтобы никто больше так как он не работал.

– Ну эта история нам известна, – подкалывала бабушка.

– Валь!

– Ну, бабушка!

Осекли мы её.

– Молчу, молчу...

– Особые чувства и надежды, – продолжал дедушка, – он питал к старшей дочери. Она удалась красотой и нравом в него, и он, кажется, не спал всю ночь. Подходил тогда к её двери, прислушивался. Однако, зайдя к своей Маришке с самого утра, родители обнаружили её в полном здравии. Она прихорашивалась у зеркала, напевая какую-то песню. Счастью отца не было предела. Он даже решили устроить в своём доме праздник, радуясь, что колдовские чары их семью обошли стороной.

– Обошли-таки? – удивилась бабушка.

– Не обошли, – закачал головой дед. – Но всё по порядку. Ночи в доме снова стали тихими и спокойными, а дни девушка проводила в хорошем настроении и, казалось, даже больше прежнего похорошела. Слава о её красоте и добром нраве дошла до города, и к ней приехал свататься знатный жених. В те времена никак нельзя было без супружества: девицы рано выходили замуж, и остаться одинокой к двадцати годам считалось самым худшим наказанием для всего рода. Так даже самая красивая, здоровая и богатая невеста могла прославиться в народе перестарком. После подобного прозвища уже никто не захотел иметь с ней дело. Поэтому отец семейства настоял на женитьбе дочери, тогда как сама Мариана сильно воспротивилась связывать себя брачными узами. Одним вечером родители застали дочку мечущейся по комнате. Маришка буквально лезла на стены и в бреду повторяла слова любви. Они силой усадили девушку на скамью и открыли окно, чтобы ночной воздух немного успокоил её. Внезапно она посмотрела вдаль и стала протяжно петь словно волчица, воющая на полную луну. В этом вое можно было различить слова: «Приди ко мне, любовь моя, заведи меня к себе, сделай своей на веки вечные». Родители смекнули, что на их дочь всё-таки пало колдовство, и теперь накануне свадьбы она снова терзается в любовных муках. Им было хорошо известно, что девушки сбегали ночью из своего дома к колдуну, который, в свою очередь, словно паук, разбросавший сети, ждал их и весьма охотно принимал. Испугавшись за честь дочери, они заперли все окна и двери и никуда не выпускали Маришку до самой свадьбы. Мать проводила с ней дни и ночи, уговаривая и успокаивая всеми способами. Именно тогда дочь и открылась матушке о своей колдовской любви. Она рассказала, что уже побывала в доме у колдуна в ту самую первую ночь после Масленицы и связала себя любовными узами, а после постоянно навещала его. Мать прониклась чувствами своей дочери, ну и, разумеется, испугалась за её будущее. Если невеста обманывала мужа перед свадьбой, то её судьбой в те времена могли очень жестоко распорядиться. Самое малое, что ожидало неверную – это ссылка в монастырь, о самом худшем и рассказывать страшно. Сестёр распутницы никогда не брали замуж из-за плохой репутации, что было жесточайшим наказанием семейству с тремя дочерьми. Надо отметить и смекалку матери, которая быстро прикинула благосостояние колдуна. Он считался богатым женихом; и хоть никто не знал его сословия, тот дом и земли, которыми он владел, были зажиточными даже по купеческим меркам. Мать воодушевила дочь на брачный союз не только по расчёту, но и по настоящей любви – именно так, как все мы желаем своему чаду. В одну из ночей они бежали тайне от главы семейства, в надежде договориться о браке!

Теперь бабушка не произносила ни слова, рассказ полностью поглотил её внимание.

– Домой вернулись они только под утро, – увидав наш интерес, продолжал дедушка с большим задором. – Никто не заметил их ночного отсутствия, но абсолютно все заметили перемены в них самих. Девушка больше не плакала в любовных терзаниях, а молча собирала приданое и расшивала свой голубой сарафан к свадьбе. Мать с того дня стала крайне задумчивой. Бывало, вечерами вместо семейных разговоров она уходила сидеть одна у тёмного окна и, глядя куда-то вдаль, покручивала пальцами свой тонкий платок. Она никогда не рассказывала, что произошло в том доме, никогда не упоминала в разговорах колдуна, а если речь сама собой заходила о нём, то женщина предпочитала и вовсе выходить из комнаты. Свадьба девушки и первая брачная ночь прошли по всем традициям. Маришку никто не уличил в измене благо-

даря крови петуха, пузырёк с которой был спрятан в косе из её густых волос. Правда открылась только лишь тогда, когда Мариана, моя прабабка, родив троих детей, тяжело заболела. Свой последний день она пребывала в муках, и вокруг её кровати собралось немало людей. В предсмертном бреду она рассказала о своей настоящей любви, которую носила в сердце всю жизнь, о её страстном романе и той ночи, когда они с матерью ходили свататься в колдовской дом. Вероятно, она рассчитывала воссоединиться с любимым в царстве небесном, потому как той же ночью её муж взял помощников и отправился к дому колдуна.

– Они убили его? – всплеснув руками, воскликнула я.

– Никто точно не знает, что случилось с колдуном. Мужики слишком боялись его для личной расправы. Они со всех сторон подожгли дом и удалились, позволив Богу решить судьбу соблазнителя. Наутро они вернулись на пепелище и обнаружили, что дом состоял больше, чем из трёх этажей. Наземная постройка сгорела, оставив лишь грудку камней, из которых был сложен камин. Нижняя же часть усадьбы уходила глубоко под землю. Где был точно такой же дом, как и на поверхности, который остался совершенно нетронутым. Мужчины поспешили разобрать нижние ярусы на части и разбросали их по полю, так как дерево, вытасченное из-под земли, не горело в огне. Колдуна так и не нашли – ни живым, ни мёртвым. После того пожара никто его больше не видел в наших краях.

– Что же, получается, он из-за нашего рода погиб? – соединив всю цепочку событий, вдруг с ужасом обнаружила я.

– Не думаю, что он умер при пожаре, – ответила бабушка. – В общем-то, рано или поздно можно было ожидать подобное от односельчан, коли все девицы окружи к тебе по ночам бегают.

Меня так впечатлила эта история, что, уже лёжа в кровати, я прокручивала её в голове словно фильм кадр за кадром. Особенно мне хотелось увидеть лицо колдуна таким, каким оно было в том далёком прошлом. Увлечённая романтичным и одновременно порочным образом главного героя, я решилась на отважный поступок. Прикинув, что всё увиденное будет являться всего лишь сном, уже около полуночи я тихо пробралась к шкафу с одеждой и вытащила из кармана деревянную щепку. Запрыгнув обратно в постель, я убедилась, что колдовской знак горит и обратилась к куску дерева так, словно щепка могла меня слышать:

– Я хочу увидеть, что произошло той ночью и что случилось с колдуном при пожаре. Ты всё знаешь, ты всё видела, расскажи теперь и мне.

Договорившись со щепкой, я положила её под подушку. Не особо веря в её магию и доверяясь больше своему воображению, я принялась воспроизводить с самого начала дедушкин рассказ. Сюжет никак не развивался, я застряла, отчаянно пытаюсь вообразить плетеное чучело в три человеческих роста, окутанное огнем.

Перевернувшись на бок, я почувствовала как моё тело качнулось. Я повалилась с кровати, в ужас вспоминая телевизионные передачи про землетрясения в разных уголках планеты. «Неужели и у нас, в Сибири», – лишь успела подумать я, как очутилась на улице. Вместо дощатого пола, я обнаружила себя припавшей к влажной земле среди стеблей высокой травы. Поднявшись, я увидела, что стою в поле.

Его колосья блестели в свете полной луны, словно волны бурной реки. В самом его конце, перед высоким хвойным лесом, виднелся дом. Он вырастал из земли будто миниатюрный средневековый замок. Две одинаковые круглые башни возвышались на фоне звёздного неба; они соединялись сводами, под которыми угадывались просторные помещения. Прямо в самом сердце дома огоньком надежды горело оранжевое пламя. Я взглянула на свои босые ноги, внезапно обнаружив на себе вместо трикотажной пижамы плотную белую рубашу по самые пятки. Ночой ветер раздувал мои волосы, и я направилась к веранде, где так тепло блестели два узких витражных окна, перемигиваясь яркими стёклами.

Этот дом манил меня; я словно возвращалась в то место, которое когда-то покинула, где когда-то обрела счастье. Вокруг было совсем тихо, только одинокая сова отсчитывала мои

шаги, как вдруг я услышала восторженный разговор двух женщин. Я обернулась и увидела две тёмные фигуры, они, так же как и я, направлялись к дому. Поравнявшись со мной, они прошли мимо, словно не заметили моего присутствия. Молодая светловолосая девушка, сильно напоминавшая Маришку из дедушкиной истории, широко улыбалась, а её мать с радостным возбуждением рассматривала представший пред ними особняк. Я бесшумно последовала за ними.

Наконец, мы дошли до низкого крыльца. Над нами возвышался необычный дом. Круглые башни, удлиненные витражные окна – дом выглядел картинкой из сказок братьев Гримм. Ступенька за ступенькой я тихо поднялась за ночными гостями. Шаги сейчас были такие лёгкие и невесомые, что мне казалось я лечу по воздуху, подгоняемая ночным ветром. Не успела я подойти ближе, как тяжёлая дверь отворилась, моему взору предстал высокий мужчина с тёмными волнистыми волосами и чуть раскосыми серыми глазами. Он был одет в бордовый бархатный халат поверх белой рубахи, на ногах красовались тапочки с вышитыми золотыми гербами.

Мать Маришки толкнула дочку в бок. Девушка же, словно околдованная, не отводила от возлюбленного глаз. Он не был молод, как его избранница, но и старым его назвать было очень трудно. Он мог быть одного возраста с её матерью, но при этом холёный, без единой морщины. Лишь взгляд выдавал немалый жизненный опыт. Возможно, даже не лет, а целых веков.

Колдун нисколько не удивился позднему визиту, он поклонился дамам и впустил их в дом. Я сделала было шаг вперед, когда дверь захлопнулась прямо перед моим носом, и принялась подглядывать за ними сквозь витражные стекла. Отсюда я не могла увидеть всей комнаты; оставаясь на веранде, я пропускала всё самое интересное. Всё то, ради чего пришла. Прильнув к стеклу, я постаралась различить хоть что-то: их силуэты, перемещения, услышать детали разговора. Как вдруг моя ладонь прошла сквозь дверь. Здесь и сейчас я была лишь призраком. Невидимым духом, для которого стены не преграда.

Дом изнутри привёл в полный восторг. Он был обставлен старинной резной мебелью, стены украшали трофеи, фамильные мечи, картины предков и ажурные лампы. Деревянные полы были покрыты лаком и ворсистыми коврами. Посреди комнаты из камня был выложен камин, а с высоченного потолка, напоминающего свод замка, спускался настоящий всесвечник на массивных цепях. Столь дорогая обстановка и столь непривычная для данной местности – она заставляла визитерш буквально каменеть от восторга.

Мариана вольготно села на диван, она бывала тут не раз. Её же мать озиралась по сторонам и украдкой рассматривала красавца-жениха. Колдун неспешно подошёл к изящному столику у камина и предложил гостям вина. Обе согласились на угощение, которое хозяин дома уже вовсю разливал из серебряного кувшина в хрустальные бокалы. Мать семейства была довольна. Отпивая вино и разглядывая хоромы, она была уверена, что поступила правильно, приведя свою дочь к колдуну. Однако, цедя вино, она всё никак не могла начать разговор о замужестве. Полная смущения, она питала надежды, что жених заговорит сам. Но колдун никуда не спешил. Он вёл светскую беседу обо всём на свете и в то же время не о чём.

Жестикулируя, он на мгновение замер, прищурился и посмотрел в мою сторону. На секунду мне показалось, что он меня узрел. Однако, его взгляд проходил сквозь. Так, словно он не видел, но каким-то образом чувал в своём доме ещё чьё-то присутствие. Я попыталась, в любую секунду готовая к побегу, когда Маришка окликнула своего жениха. Тот встрепенулся от наваждения и с довольной ухмылкой продолжил рассказ. Колдун заметно обделял вниманием возлюбленную, отчего-то обратив своё внимание этим вечером на её мать.

Темноволосая женщина с заметной сединой после пары глотков заметно покраснелась. Её тонкие черты лица и зеленые, словно озерная гладь, глаза выдавали былую красоту, припыленную временем и размытую бытом и усталостью. Она была крепкой и статной; казалось, в ней заключён стальной стержень, которому не суждено было когда-нибудь сломаться. Однако сейчас она заметно нервничала, то ли пытаясь соответствовать приличиям этого дома, то ли

уклоняясь от пленительного взгляда его хозяина. Он же, в свою очередь, даже не собирался скрывать свой интерес.

– Чем вы занимаетесь, чтобы содержать такой дом? – её голос дрогнул.

– Я делаю золото, – вглядываясь в красное вино, заявил колдун.

– З-золото?

– Именно! А в свободное от золота время я нахожу изумруды, такие же редкие и чистые, как цвет ваших глаз, – он склонился и поцеловал руку оцепеневшей женщине.

А дальше он провел ладонью по лицу Маришки. Её глаза закрылись, пустой бокал выпал из рук. Она положила голову на мягкие подушки, мирно погружаясь в глубокий сон. Тем временем он не отрывал взгляд от её матери, на лице которой невиданной силой распрямылись морщины. Кожа разглядилась, волосы заблестели чернее вороньего крыла. Она вытянулась, словно струна, её обвисшие груди набухли. Ей снова было почти как самой Маришке, она снова желала любви. Любви, которой никогда не знала.

Они более не говорили. Слова были не к чему. Оставив недопитое вино и спящую дочь, помолодевшая мать в сопровождении колдуна взлетела по лестнице в спальни. Она желала его так, как не желала никого и никогда.

Я провожала их взглядом. Я не могла поверить увиденному. Полная внутренней дисциплины, прежде утопающая в смущении, теперь мать Маришки спешно расстегивала своё платье. Колдун с силой прижал её к перилам, запустил пальцы в её растрепанные волосы и впился губами в изогнутую шею. Она изнемогала от желания, прося, умоляя не прекращать. Она с силой прижимала любовника к себе, срывая с плеч его бархатный халат.

– О, боже... – прошептала я.

В ту же секунду колдун обернулся. Он взглянул на меня словно зверь из-под нависших бровей. Его волосы волнами обрамляли острые скулы, кровавые губы расплылись в хищной улыбке. Теперь он точно знал – за ними наблюдают.

Глава 3

Раздался стук, потом ещё один с большей силой. Меня вырвало из сна, и я неохотно открыла глаза. На улице было светло – я совсем не заметила, как подкралось утро. Догадавшись по запаху, что бабушка занялась выпечкой, я спешно набросила халат и проскользнула в ванную комнату.

– Можно мне поговорить с вами наедине?

С веранды раздался незнакомый голос, я закрутила краны и прислушалась.

– Конечно, проходи. Ты ведь Лиза? – заговорила бабушка.

Покинув уборную я метнулась на кухню, откуда открывался вид на веранду. К нам пожаловала тёмная худая женщина с маленькими блестящими глазками в обрамлении густых ресниц.

Её кожу тронуло летнее солнце, обильно усыпав веснушками, а губы украшала яркая красная помада. Она испуганно посмотрела на бабушку и заставила себя улыбнуться.

– Садись, в ногах правды нет, – произнесла бабушка и снова зашла в дом. – А ты чего? – буркнула она, увидев меня у окна.

– Это та, что с кроватью? – шепнула я.

– Тихо ты, – погрозила бабушка, – неси кружки, накрывай на стол.

– Какой красивый дом, – заулыбалась Лиза, когда я принялась расставлять приборы для чаепития.

Вспомнив её собственный дом, я лишь учтиво кивнула.

– Что привело тебя к нам? – завела бабушка беседу, ставя на центр стола противень с пирожками.

– Можем мы поговорить наедине? – вкрадчиво заговорила Лиза, бросив в меня косой взгляд.

– Конечно, можем! Ну-ка, Кира, иди проверь дедулю.

В груди защемила боль предательства. Ожидая от бабушки совсем другой реакции на моё изгнание, я лишь стиснула зубы и удалилась. Не имея ни малейшего представления, поведает ли мне бабушка рассказ Лизы или предпочтет оставить его при себе, я решила на саботаж. Тихо открыв крышку погреба, я скрылась под полом и прислушалась. Отсюда через открытые окна всё ещё был слышен их разговор.

– Вы говорили с моим мужем, – набралась смелости гостья. – Он мне всё рассказал.

– Я очень рада, что у вас с супругом нет друг от друга тайн, – подкалывала её бабушка.

– Когда я услышала про кладбище и колесо от телеги, я поняла, что у меня есть шанс.

– На что? – поперхнулась чаем ведунья.

Лиза не торопилась объяснять.

– Мне надо, чтобы вы отвели меня на то кладбище! – выпалила она.

– Зачем? – возмутилась бабушка. – Что ты забыла на колдовском кладбище? – всё ещё не понимала она. Однако, я уже прекрасно всё понимала.

Женщина глубоко вздохнула и с различной на слух улыбкой произнесла:

– Я хочу воссоединиться с любимым человеком.

Бабушка молча отпила чай. Их разговор терял динамику, утопая в немыслимых паузах.

– Я наивно полагала вы живете с ним в одном доме...

– Пожалуйста, можно без нравоучений. Вы женщина и я тоже женщина, нам ли не знать силу настоящей любви.

– Настоящей любви... – задумчиво повторила бабушка.

– Я лишь прошу вас о помощи! Покажите мне это место, если оно действительно существует. Вы там были, ведь так? – взмолилась она.

– Давай так, ты мне всё расскажешь, а я уж решу, надо тебе на то кладбище или нет. Я знахарка, а не экскурсовод по тайным захоронениям.

– Понимаете, как бы сказать... – засмутилась гостья. – С тех пор, как мы купили эту кровать... Ах, – всплеснула она руками, – с тех пор моя жизнь полностью перевернулась.

– Надо полагать, – ехидничала бабушка.

– Нет, вы не понимаете, мой брак был ошибкой. Я сожалею, что не смогла найти своего возлюбленного раньше, чем вышла замуж.

– Тогда кого же вы так горячо любите?

– Когда я засыпаю на своей кровати, то... Как бы это правильно выразиться...

– Давай всё по порядку!

– Да, в ту самую первую ночь во сне я вдруг начала куда-то опускаться. Я спускалась всё ниже и ниже пока не увидела, что это настоящая могила. Я буквально опускалась в земляную яму, наблюдая, как отдаляется звездное небо. Я испугалась, билась в истерике, но потом... Потом я увидела, что на дне могилы дом. Совсем другое место, полное роскоши и тепла. Я очутилась у горящего камина, на меховой шкуре какого-то животного, у моих ног стоял ОН, – она замолчала. Лиза уже тосковала по нему. – Он полная противоположность Лёни. Высокий, с тёмными волнистыми волосами по плечи и взглядом, который невозможно забыть. Он страшен, ах, как он страшен, – гостья глубоко вздохнула. – Он протянул мне красное вино и затушил свечи. Нас освещал огонь камина и согревала страсть. Такая, что теперь я готова отдать жизнь за его прикосновение. Он никогда не торопится, он начинает целовать кончики моих пальцев и продвигается выше, пока я не начинаю молить его овладеть мною...

– Ты рассказываешь мне эротические сны, я ведь правильно всё понимаю.

– Это не сны! – тут же перебила Лиза. – Это реальней чем всё, что происходит со мной днем. Реальней нашего с вами разговора. Я чувствую всё до мелочей...

– Но позволь, моя дорогая, твоё тело спит, и Леонид тому свидетель! – воспротивилась бабушка.

– Именно поэтому я и хочу попасть на кладбище, хочу увидеть его, дотронуться, поцеловать... Хочу объединить сон и явь, вы ведь мне в этом поможете?

– К сожалению, я не знаю как тебе помочь. Если мы сейчас говорим про одну и ту же персону, то он мертвец!

– Мне всё равно, кто он! Я хочу быть с ним! – выкрикнула Лиза и встала из-за стола.

– Твой любовник двухсотлетний старик, живущий в могиле! – настаивала бабушка. – Ах нет, позвольте, не старик, он мертвец! Да, настоящий мертвец! А то, что ты видишь, мираж, наваждение. Это его магия!

– Я вам не верю... Мне всё равно, что вы об этом думаете! Я вас всего лишь попросила отвести меня к нему. Мне не нужно ваше согласие на наш союз, понимаете, или ваши призрачные догадки о том, кто он такой на самом деле. Я намного ближе к нему каждую ночь, чем вы только можете себе представить, и мне намного виднее – кто он и что он!

На веранде назревал настоящий конфликт. Я услышала, как из спальни вышел дедушка, постоял посреди комнаты, а потом отвернулся и включил телевизор.

– Это увлечение может дорогого стоить. Если решишься увидеть того, с кем собираешься провести остаток дней своих, произнеси вот это, – бабушка сказала три простых слова. Словно считалка они быстро легли на слух и отпечатались в памяти, – и ты увидишь его! И уж если тогда твоя любовь не исчезнет, приходи ко мне и я отведу тебя куда захочешь!

– Вы все просто... Вы просто завидуете! Оставьте свои заклинания при себе! – она сбегала со ступеней веранды и зашагала быстрым шагом по проселочной дороге, в конце которой её ждал автомобиль.

– Ты думаешь она их скажет, – подошла я к бабушке, что стояла у окна и смотрела Лизе вслед.

Бабушка строго посмотрела на меня, но потом раплылась в улыбке.

– Заклинание? Уже забыла небось. А зелье, – ведунья покосилась на пустую кружку. – Зелье выпила до дна, значит любовное наваждение этой ночью сойдёт.

День проходил в обычном ритме. Бабушка начала меня обучать силе трав, и теперь мы всё чаще гуляли по полям, выискивая определённые их виды. Работа с травами мне очень нравилась; правда, я уставала с ними разговаривать в процессе сбора. Да и надо отметить, что мысли мои были очень далеко. После увиденного ночью, я не мола в полной мере впитывать знания касательно трав-лечебников.

Стыдно признаться, но мне совершенно не давал покоя колдун. Его лицо весь день мерещилось перед глазами, и, что бы я не делала, я никак не могла отделаться от этого навязчивого и в то же время столь притягательного взгляда. Его серые глаза в который раз полностью лишали концентрации. Они растворяли в себе, даря неопишуемые нотки восхищения и трепетного ожидания новой встречи. Тем временем мне приходилось заучивать все травы по их именам на ведьминском языке, запоминать все их свойства и сочетания, ведь некоторые из них наносили вред друг другу. Если, срезав, я неосмотрительно клала их вместе, то приходилось избавляться от всех, и работа считалась напрасной. Неотъемлемой частью сбора растений был разговор с самой травой в момент её сбора. Это, пожалуй, утомляло более всего, и под вечер я уже не могла говорить вовсе.

– Учти, что любое, даже самое мудрое растение может обратить свою силу против человека, если было собрано неподобающим образом. Говори с ними, убеждай, что их гибель необходима для чьего-то спасения, – обучала меня бабуля, протягивая небольшой серебряный ножичек в виде павлина с закрытым хвостом. – Быстрым движением сделай ровный срез чуть выше корня травы, и старайся не трогать листья.

Я инфантильно повиновалась всем её указаниям, выполняя сбор невероятно медленно и лениво. Единственное, что могло поднять моё настроение – это сладкий сон с колдовской щепкой, которая словно волшебная палочка могла отправить меня в романтическое приключение.

Бабушка видела моё витание в облаках. Она то и дело подгоняла меня, предупреждала ошибки и окликала по два раза. Ведунья никак не могла взять в толк, что сегодня со мною не так.

Как иронично: она так стремилась вернуть колдуну все его деревяшки, и даже не догадывалась о могильной щепке, находящейся прямо в её доме! Настало время, когда у меня появились серьёзные секреты, как и подобает любому подростку. Единственное моё отличие от других было в том, что я влюбилась не во взрослого рокера из соседнего подъезда, а в мёртвого колдуна из загробного мира.

– Среди разнообразной природы нашего края можно выделить особые травы, отличающиеся привередливым нравом. Их всего пять, но именно из них получают сильнейшие зелья и настои. Однако, чтобы правильно собрать их, требуются немалая выдержка и большое умение, – поучала бабушка, тщетно пытаясь вывести меня из любовных мечтаний.

– Папоротник является одним из мощнейших растений в ведическом колдовстве. К поре его цветения относят не возникновение реальных цветов, которыми это растение не обладает, а то таинственное время, когда растение вот-вот даст новую жизнь. Папоротник является межзвеньем грибов и растений, и способ его размножения красочно об этом сообщает. Самым ценным его сырьём являются созревшие семена-споры, которые пригодны для сбора в одну лишь единственную ночь в году – я думаю, ты догадалась, о какой ночи сейчас идёт речь... – она ждала, что я продолжу.

Но я лишь переспросила:

– Ночи?

Все мои мысли были только об одной ночи, которая так странно прервалась, оставив гору девичьего любопытства и семена-споры первой влюбленности, что вот-вот созреют. Они

разлетятся в разные стороны, и я не смогу больше притворяться увлечённой ученицей ведьмы-травницы, ровно как и более скрывать свой секрет. Вдруг в голове пронеслась мысль:

«Заподозрив неладное, она обязательно докопается до истины. Узнав про щепку, бабушка непременно отберёт её. И тогда я ЕГО больше никогда не увижу!»

Я собралась с мыслями и уверенно произнесла:

– Двадцать второе июня, летнее солнцестояние.

– Да, всё верно, – кивнула она, – этот обязательный шабаш длится три дня и две ночи, но собирать семена папоротника ты можешь только двадцать второго июня.

В обучении новым знаниям на лоне природы время проходило очень быстро, и я даже не заметила, как подкрался вечер.

Перед сном я снова вспоминала дом колдуна. Это тайное место, в отличие от кладбища, будоражило моё воображение и так манило. Теперь я входила не только в усадьбу мечты, но и в девичий период, что характеризуется обострённым чувством эгоцентризма, пропитанного идеалистическим романтизмом. Теперь мне отчего-то казалось, что если только колдун увидит меня, то обязательно влюбится. Меня не волновала наша разница в возрасте и что будет потом, готова ли я к чему-то из взрослой жизни женщины или нет. Вероятно где-то там в моих грезах были упоминания, что ему придется терпеливо ждать моего совершеннолетия и тому подобное.

В этот вечер я чистила зубы дольше обычного, выщипав при этом дикорастущие бровинки и подкрасив губы своей единственной помадой перламутрового, что отдала мне мать за ненадобностью. Лишь на мгновение я задумалась, что стала вести себя точно как Лиза, блудливая жена Леонида. Но эти мысли быстро испарились, ведь заветная щепка уже ждала меня. Спрятанная между двумя матрасами, она была моим собственным порталом. Проверив рукой её наличие, я нежно обняла подушку и закрыла глаза. Ветер дунул в лицо, и я увидела уже знакомое поле.

Опять светила яркая луна, и пшеница снова плыла волнами, словно сказочное море в не менее сказочном мире. Я добежала до дома и ступила на веранду. Прильнув к витражам, я тут же увидела силуэт колдуна – он был в халате и с бокалом вина. Я нахмурилась, он явно был не один.

Пройдя сквозь дверь, как и прежде я очутилась в уже знакомой гостиной. В нескольких шагах от меня стоял он. Вдруг колдун прислушался и обернулся. Его пытливый взгляд проходил сквозь меня и падал на дверь. Мужчина сделал шаг вперед, исследуя пространство. В то же мгновение меня окатило с головы до пят волной необузданного волнения. Воздух стал плотнее, а тело закачало так, словно я стояла по колено в бушующем море. Чуть удерживаясь, чтобы не упасть, я схватилась за высокий канделябр. Несмотря на то, что я была лишь незримым наблюдателем в этом мире, тот подсвечник двинулся от этого касания, и колдун тут же зафиксировал это.

– Любимый, ну где ты? – вопреки женский голос.

Это была Лиза, я узнала её манеру тянуть слова. Она ждала его где-то там, быть может на диване или у камина. Колдун, ещё раз зорко осмотрев вестибюль, всё же развернулся и направился к любовнице. Ревность тяжелым камнем сковала грудь и склонила к земле голову. Я не могла смотреть, что будет дальше. Я не имела сил это видеть. Покинув дом, я вышла на вернаду. Одного глубокого вздоха хватило, чтобы плотный комок прорвался слезами. Я побрела по полю, изредка озираясь на милый сердцу дом. Внезапно, из особняка послышался крик. Резким воем он пронзил тишину, наполнив ужасом доселе романтический пейзаж. В жилах моих похолодела кровь. Я сорвалась на бег. Я возвращалась к крыльцу, чтобы помочь, когда ноги сбавили ход.

«Как мне помочь ей, чем? Я бестелесный наблюдатель. Та, кого не видно и не слышно...»

Крик стих, и наступила звенящая тишина. Я различала только тихий шум колосьев и настырного дятла, стук которого доносился всё ближе и ближе. Насмену дятлу пришла черед бабушкиных шагов, а после звук открывающейся двери. Меня вырвало из сна, в котором мне более не хотелось находится.

Глава 4

Сегодня как никогда было ветрено. Из открытых окон шелестели кроны. Я открыла заспанные глаза, комната утопала в мягком утреннем свете. Все окна были распахнуты, как и дверь на веранду, а за тюлевой занавеской стоял Леонид, муж Лизаветы. Бабушка указала ему на скамью, и зашла в дом. Увидав, что я проснулась, ведунья взяла с полок лишь большую красную свечу и спички.

– Поможешь с завтраком? – махнула она и, не дожидаясь моего ответа, вновь поспешила на веранду.

Я набросила легкий ситцевый халат и вышла на кухню. В лучах солнца пригрелся низкий заварник, полный ароматного чая и две расписные кружки. Поставив их на поднос, я проследовала за бабушкой. Мне не хотелось пропустить что-то важное. Впрочем, весь рассказ Леонида вызывал немалый интерес.

– Ночью она проснулась вся в криках и слезах, – слышался его голос, когда я приблизилась. – Лиза звала меня по имени, впервые за много дней! – мужчина не мог скрыть улыбку. – Она рыдала в моё плечо до самого восхода солнца. Я вывел её из комнаты, а сам заглянул под кровать. Всё ее основание было покрыто странными зелеными чёрточками, которые горели в ночи.

Гость вздрогнул, лишь только я ступила на веранду. Когда поднос опустел, а я снова зашла в дом, он продолжил:

– Они светились там, их невозможно было сложить в картинку или в послание, которое можно прочесть. Это колдовство! Теперь я точно в этом уверен.

– Хм, похоже на то, – безучастно отозвалась ведунья.

– От завтрака жена отказалась. Лиза не цвела как раньше, она была бледной, даже изнеможенной. Сказала, что не желает заходить в свою спальню, в страхе поглаживая на дверь, словно там кто-то есть и она его боится. Я знаю, что вчера она была у вас...

Леонид сделал глоток чая, выжидая бабушкиного признания. На что ведунья коротко ответила:

– Да, была...

– Тогда, я полагаю, именно вы помогли ей справиться с этой проблемой.

– Справиться с этой проблемой... – повторила за ним она. – А почему вы считаете, что это не вы, кто помог ей?

– Что? – нахмурился Леонид.

– Очевидно оттого, что вы и не старались помочь! Ведь так? Ты просто ждал, когда это закончится, – бабушка резко перешла на ты. Я хорошо знала этот приём. Порой, только нарушая границы, она могла достучаться до них. До своих многочисленных клиентов.

– Ну, до этого я не знал, как помочь, – замялся посетитель, – а после вы мне сами сказали, что это колдовство.

– Тебе не нужна чья-то помощь, чтобы вернуть жену от забытья или даже от сильного колдовства.

– Но что я мог сделать! – воспротивился гость.

– Просто любить её... Разве это так сложно?

– Но... – негодовал он. – Она совсем отвернулась от меня.

– Значит ты не должен был отворачиваться. Не путай любовь с благодарностью. Любят не за что-то. Любят просто так, и даже, случается, вопреки всему. Ты же решил, что если Лиза к тебе остыла, то и не достойна твоей любви. Не заслужила её, ведь так?

– Послушайте, вы не знаете нашей ситуации! Она пришла в мой дом... – Леонид внезапно замолк.

– Так вот в чём дело, – протянула ведунья. – Она теперь тебе обязана... Жена, оказывается, не любимая женщина, а должница.

– Я не просил вас лезть с советами в нашу супружескую жизнь, – мягкий прежде, Леонид резко встал и сжал кулаки. Его тон изменился, во взгляде скользнула жестокость. – Единственное, о чём я вас прошу, чтобы вы забрали кровать из нашего дома.

От его слов бабушка поперхнулась чаем.

– Моё дело было вас предупредить. Но снять колдовство я не могу. Вы всё должны сделать сами.

– Я не собираюсь этим заниматься! – категорично заявил Леонид. – А Лиза хрупкая женщина...

– К сожалению, если я отнесу кровать на кладбище, даже если я сделаю это с твоей помощью, Лизавету не оставят в покое эти кошмары. Она всё должна выполнить собственноручно! Магическому воздействию была подвержена она, а значит ей и проводить ритуал.

– Но ,но... Это ведь не стул и даже не стол. Это целая кровать! Двухспальное дубовое ложе...

– Тогда следует разломать кровать на доски, которые эта хрупкая женщина способна унести за несколько раз. Место перехода я вам покажу. И... – ведунья выдержала многозначительную паузу, – настоятельно тебе рекомендую всегда оставаться перед перекрёстком, дожидаясь появления Лизы. Никому, кроме неё, нет никакой надобности идти в секретное место! Всю работу вашей отважной жене полагается выполнить одной, иначе есть риск, что колдовство не исчезнет.

Мужчина сглотнул.

– И, как ты уже понял, происходить всё должно ночью, – подытожила бабушка.

Леонид лишь выпучил глаза.

– Это ночная магия. Днём такую не снять...

Гость ушёл не прощаясь. Быть может он рассчитывал прийти снова, а может боялся обронить лишнее слово, чтобы не услышать от ведуньи ещё больше правды. Той правды, которую он не желал слышать.

Когда дверь закрылась, я вбежала на веранду и уставилась на бабушку.

– Что? – простодушно вздёрнув брови, спросила она.

– Почему тогда мы тащили чёртовое колесо вместо дяди Володи?

– Владимир не был во власти колдовских чар, он не нуждался в прозрении. И в жизненных уроках, пожалуй, тоже не нуждался...

Бабушка тщетно пыталась скрыть улыбку, но блеск её глаз выдавал детское озорство. Она мне напоминала сейчас меня саму. На миг мне показалось, что мы с ней одного возраста.

Весь день я пребывала в мыслях о том, что испытала ночью перед дверью колдуна. Это были совершенно новые, неведомые ранее чувства. Они поглощали меня всецело.

Несмотря на то, что ещё утром светило яркое солнце, к обеду ветер пригнал серые тучи. Вместо того чтобы обрушиться коротким ливнем, они надолго зависли над деревней, вскоре послав на землю безутешно морозящий дождь. Впрочем, я была рада подобной погоде. Она довольно красочно передавала моё эмоциональное состояние. Я была рада, что мы не отправились на сбор трав и остались дома. Сидя на своей излюбленной кушетке, я мяла в ступке листья черники и смотрела на волнующийся лес. Мне нравилось, что погода парализовала всю нашу активность. Сегодня она была со мной заодно.

– Ты не произнесла сегодня ни слова! – заговорила бабушка, вырвав из повторяющейся в моей памяти череды событий.

– Голова болит на погоду, – соврала я.

– Мой бедный ребёнок!

Меня передёрнуло от её слов. Я не была ребёнком. По крайней мере, уже не тем ребёнком, которого она знала. Пожалуй, даже больше – в свете последних событий «ребёнок» стало подобно оскорблению. Признанию моей некомпетентности наряду с женщиной из сливового сада, со всей её сексуальностью и опытом.

– Сделаю тебе лечебный отвар, что же ты раньше не сказала?

«Поможет ли твой отвар забыть колдуна?» – обронила я в мыслях.

Бабушка замерла, пытливо глянула на меня и, покачав головой, зашумела посудой.

Вскоре я приняла от неё кружку горячего напитка с сильным запахом брусники, что мгновенно осел на нёбе. Лишь только я сделала глоток, меня бросило в поток воспоминаний. Я нахмурилась, рассматривая зелье; подозревая, что бабушка могла мне заварить ровным счётом всё что угодно. Так долго обучаясь у неё, я до сих пор не знала ни одно рецепта на память. Дуновение ветра вернуло меня в ночное поле. Неожиданно для себя, я поняла, что отдала бы всё, лишь бы оказаться в объятиях любимого мужчины.

Закрыв глаза, я живо представила – здесь и сейчас он обнимает меня, любуюсь на этот бесконечный дождь. Нам никуда не надо спешить, нас никто не ждёт. В это мгновение мне захотелось узнать, как он пахнет. И не только узнать, но и найти, чтобы тот в любое время дня и ночи смог напомнить мне о колдуне. Со вторым глотком ароматного бабушкиного настоя я решила любой ценой сегодня же ночью узнать запах любимого.

Наконец небо начало темнеть. Я никогда ещё не ждала сумерки, как сейчас, и под предлогом недуга быстро удалилась ко сну. Спешно обняв подушку, я слегка дотронулась до своей волшебной щепки – щепки от двери на границе миров. Той самой, что скрывала от меня любовь всей моей жизни. На тот момент мне именно так и казалось. Что такое настоящая любовь, как и полагается, я узнала намного позже.

Теперь уже я бежала по знакомому мне полю, не теряя ни минуты. Длинные густые колосья путались под ногами, препятствуя бегу. Они словно пытались уберечь меня от свидания, не пустить к колдовскому дому. Они видели намного больше, чем я. Поле оставалось немым свидетелем таких событий, о которых я даже не догадывалась.

Вскоре я бежала. Никому не было под силу в ту ночь остановить меня. Взмыв на веранду, я остановилась.

«Что я увижу на этот раз?»

Мне было всё равно. Моей целью было увидеть колдуна. Моим намерением было вопреки опасности и запретам обнять его. Я поспешила проникнуть в дом, как и прежде – через витражное стекло. Разогнавшись, я нырнула сквозь дверь, когда совершенно неожиданно ударилась о невидимую стену.

«Как? Почему? Зачем?» – вопросы сокрушали. Нет, я не была готова к отказу.

Он прогонял меня, он не хотел меня видеть.

– Прогуляемся? – кто-то произнес над головой.

Я обернулась – позади меня стоял колдун. Мне стало трудно дышать. Его присутствие полностью подавляло мою волю, приглушало все чувства, кроме любви и, конечно же, ревности. Я любила его намного ярче и чище, чем Лиза и чем кто-либо другой. Он развернулся, спустился с веранды и пошел к полю. Я последовала за ним, чуть поспевая за его быстрым шагом.

– Зачем ты пришла? Я тебя не звал, – вновь заговорил он. Его голос вызывал море эмоций, неизвестных мне. Таких, с которыми мне еще не приходилось сталкиваться.

– Я хотела тебя видеть... – сегодня я решила говорить правду, и ничего кроме правды.

– Зачем?

Теперь он напоминал мне мою бабушку. «Зачем, зачем? Неужели не понятно... Затем, что и все остальные!»

Он покосился на меня и громко рассмеялся.

– Ты для этого слишком юна... Да и ко всему, – внезапно он замолк. Его лицо снова стало серьёзным, а взгляд задумчивым.

«Возможно, мы созданы друг для друга и просто не могли найтись прежде...» – я продолжала в мыслях, раз уж он так легко их считывал. Это было то, что я думала, но не имела сил произнести вслух.

– Кем созданы?

Этот вопрос застал меня врасплох. Понятно, что начинать разговор про Бога с колдуном было бы роковой ошибкой. Я растерялась, выдерживая немислимую паузу.

– Когда мастер лепит графин, он не придумывает ему пару.

«Мастер! Так, значит, нас создал мастер? Пуст будет по-твоему...»

– Но ведь когда мастер лепит кружку, он создаёт для неё одно-единственное блюдо, идеально подходящее по размерам и форме. Только в этом блюде чашка будет чувствовать себя идеальной и понимать, что оно создано специально для неё. Предназначено, чтобы поддерживать, принимать на себя излишки чая... – крайне удачно ответила я, если уж мы собирались играть в аллегории.

– Ты ошибаешься. У меня не было пары, нет и никогда не будет. Я одинок и счастлив сам по себе. Мне не нужны поддерживающие меня блюда, шумные чайные ложки и другие приспособления, якобы выполненные специально для меня и моего удобства. Всё, что мне нужно – это лишь полный чайник, способный наполнить меня до краёв горячей живительной силой, – отрезал он.

Его холодный тон несколько не охладил меня. Напротив, он только разжёл во мне искры любви. Я была абсолютно уверена, что он неправ и просто заблудился в своих эгоистичных мыслях. Я попыталась взять его за руку, как он каким-то непонятным образом оказался в метре от меня. Эта игра начинала раздражать и по-настоящему злить так же быстро, как только что накатившие секунду назад волнение. Мне захотелось вдруг поставить его на место и уколоть побольнее. Мой переходный возраст давал о себе знать даже во сне. Недолго думая, я выпалила:

– Всё-таки не зря наш род спалил твой дом дотла!

Колдун остановился. Он склонил голову, глянув на меня лишь краем глаза.

– Твой род не привнёс в мою жизнь или смерть абсолютно ничего такого, чтобы я мог запомнить, – холодно произнес он.

В ту же секунду я вскипела. Я должна была что-то для него значить – плохое или хорошее, неважно. Но он должен был меня как-то запомнить из всей этой толпы женщин, которыми он обладал при жизни и даже после смерти.

– Мой род спалил твой дом и тебя вместе с ним, – так лихо начав, мой голос дрогнул.

Осознавая всю грубость слов и низость мыслей, мне стало по-настоящему стыдно.

– Я был бы никчёмным магом, если бы не знал своё будущее, – полный терпимости и снисхождения, произнёс он.

– Но зачем-то же ты собираешь свой дом по щепкам? Ты умер однажды и хочешь возродиться снова! На самом деле ты живёшь в могиле и ты – не молодой красавец, а двухсотлетний старик! – высказалась я, обнажив все свои немногие знания.

– Откуда тебе знать? Возможно, я здесь только во снах, как и ты. Возможно, в реальной жизни в своём новом воплощении я не так уж много старше тебя!

Не веря ушам, я подбежала к нему и заглянула в серые, как грозовое небо, глаза.

– Скажи мне, это правда?

– Отдай щепку, и я скажу, – не уступая мне в наивности, вдруг заявил он.

– Но, у меня нет щепки! – воскликнула я, внезапно обнаружив в своей ладони что-то твёрдое.

Я опустила голову и открыла кулак – это было колдовское дерево. На ней блеснул зеленый штрих.

– Как мне тебя найти? Скажи, где искать? – взмолилась я.

– Щепка! – повторил колдун и протянул руку.

– Мы две половинки! Как ты не поймёшь, мы созданы друг для друга, как луна и солнце, как закат и рассвет, как...

Он остановился и оборвал меня:

– Нет никаких половинок, мы все целые от природы... Но если ты хочешь быть для меня такой же желанной, как и я для тебя, тебе необходимо познать одну простую вещь.

Тут он наклонился ко мне совсем близко. Его растрёпанные кудри коснулись моих всплывших щёк. Его тонкие губы дьявольски манили. Я закрыла глаза от удовольствия, наконец почувствовав его запах. Он был терпкий, словно от какой-то лесной ягоды, затем немного отдавал хвоей и раскрывался ночной гвоздикой. Не поднимая век, я вдыхала его. Он не спешил обнимать меня, но воздух вокруг стал плотнее. Колдун завладевал моим пространством, его магия обволакивала. Он приблизился и сладковатый запах вскружил голову. Его губы коснулись кончика моего уха, маг нежно произнес:

– Чтобы стать всеми желанной, тебе необходимо перестать быть блюдцем, всю жизнь ищущем свою кружку. И даже кружкой от старинного сервиза на двенадцать персон быть недостаточно. Стань уникальной, единственной, полной чашей своего горячего чая, в котором стремятся раствориться все сахаринки мира; которую считают своей половинкой тысячи блюдечек; когда сотни серебряных чайных ложечек, стараясь сбалансировать её содержимое, вызывают в ней только лишь приятный звон и легкий трепет.

Я слышала его, но не понимала. Пытаясь из последних сил принадлежать этому мужчине, я пропустила мимо ушей волшебную формулу для каждой женщины. Будь она ведьма или нет, это то, что могло сделать её желанной для каждого. Наполненность, целостность, уникальность и безоговорочная уверенность в себе.

Он выпрямился. Он посмотрел на меня в последний раз и зашагал обратно к дому. Щепка в моей руке исчезла. Он забрал её, отдав взамен что-то очень важное. То, что впоследствии мне пришлось доставать из самых глубин своей памяти.

Меня ослепила яркая вспышка, и я с болью открыла глаза. Комнату наполнил утренний свет; я поняла, что проснулась.

– Я не знаю, что мне делать... Это наваждение, это какое-то колдовское наваждение...

Раздалось из-за стола. У нас определенно были ранние гости.

Дедушка соорудил красивую деревянную ширму, которая отделяла мою кровать от большого пространства главной комнаты. Мы с бабушкой расписали её фантастическими белыми птицами с золотым оперением, глаз одной из которых являлся природным круглым отверстием. Я тихо встала с кровати и приблизилась к своему тайному глазку.

Вскоре я смогла различить за нашим круглым столом всё ту же худую тёмную девушку. Однако теперь Лиза не казалась ни дерзкой, ни влюблённой, напротив – её лицо было уставшим и бледным. Без следа макияжа, а в тёмных волнистых волосах проглядывалась редкая седина. По звукам приборов я угадала, что бабушка заваривала свой лечебный чай. Тихими шагами вернувшись в кровать, я совершенно беззвучно легла обратно и отвернулась к стене.

До меня донёсся кисло-мятный запах, и я поняла, что не ошиблась: бабушкин фирменный чай. Он прекрасно восстанавливал психику человека, столкнувшегося с невиданным, помогал вернуться к нормальной жизни и притупить болезненные воспоминания. Один из стульев отодвинулся и придвинулся снова. Кто-то подул на чай и сделал небольшой глоток.

– Я не могла поверить тому, что вы рассказали мне. И ночью, конечно же, отправилась на встречу в очередной раз, – начала свой рассказ Лиза тогда, и у меня всё сжалось внутри. – Я спускалась ниже и ниже. Упав на меховую шкуру я увидела его в свете камина. Мой прекрасный любовник шёл ко мне, напевая песню и раскачивая бокалы с темным как кровь вином. Его лицо

украшила таинственная улыбка. Он склонился и, чуть касаясь мочки моего уха, прошептал: «Ты хочешь поиграть сегодня? Бывает, в играх я беспощаден...» Тогда я ещё не знала насколько...

Гостя отпила чай, тяжело вздохнула и продолжила:

– Его запах окутал меня, он вскружил мне голову гораздо больше вина...

В этот момент я прекрасно понимала о чём говорит Лиза. Теперь я точно знала, как колдун влюблял в себя женщин.

– Этот запах... Он похож на терпкую кору дерева, что смешался с хвойным лесом после дождя. Его острый нос практически касался моего, а взгляд пронизывал меня насквозь и раздевал моё тело без малейшего прикосновения. В тот момент я больше всего на свете желала этого мужчину, я чувствовала, как мои руки обнажают моё трепещущее тело. Закрыв глаза от удовольствия, я потянулась к нему. Я желала слиться с ним в страстном поцелуе, когда почувствовала нечто странное. Вместо нежных губ в обрамлении щетины, я поцеловала некую слизкую массу. В то же мгновение я открыла глаза.

Рассказчица замолчала. Воспоминания явно будили в ней отвращение.

– Открыв глаза, я увидела всё того же прекрасного мужчину, такого желанного мной, порой одержимого и невероятно страстного, а временами такого холодного и жестокого, как сейчас. Во мне снова разгорался огонь – я обхватила руками его шею, но вместо упругого тела, мои ладони провалились в дыру давно сгнившей плоти. Пальцы коснулись костей, утонув в холодной слизи. Я попыталась освободиться, когда нащупала хрящи и натянутые, словно струны, сухожилия. Я была во власти мертвеца. Более того, я занималась с ним любовью!

Бедная Лиза всплеснула руками, раздался её тихий всхлип.

– Он жестоко схватил меня, – продолжала она, не отнимая от лица рук. – Свежий хвойный аромат сменился на запах тухлятины. Ожившая мумия впилась фалангами в мою кожу. Вместо чувственных губ меня целовали отслоившиеся от черепа десны. К горлу подобралась тошнота, я умоляла его остановиться. Умоляла принять прежний вид. Но ничему из того, о чём я молила не суждено было сбыться. Он возымел меня.

– О боже... – тихо произнесла бабушка.

– Его серые глаза помутнели, а волосы превратились в безжизненную паутину и прилипли к моему вспотевшему телу. Его движения становились быстрее, я вырывалась, с трудом сдерживая приступ рвоты. Его слизкий скрюченный орган проникал в меня, – она громко всхлипнула, перейдя на плач. – Мне никогда не забыть этого. Я закрывала глаза и чувствовала его вонь, гораздо ярче ощущая все его мерзкие прикосновения. Когда же я поднимала веки, то видела его жуткое тело, которое выглядело теперь как скелет, обтянутый тонкой дряблой кожей. В некоторых местах она порвалась и висела омерзительными тонкими ошмётками, обнажая засохшие внутренности. Он видел мою неприязнь, его заводил мой ужас. Он двигался всё быстрее и быстрее. Когда я уже практически лишилась чувств, он наконец отпустил свою мёртвую хватку. Он наслаждался, что я узрела его безобразие. Хватаясь за шкуру, на которой лежала, я постаралась отползти от этого монстра. Осмотревшись, я обнаружила, что вместо мехов подо мной мёртвое животное. Я погрязла в луже его вязкой крови, смешанной с землей. Вместо роскошного дома я лежала на дне могилы. Мне казалось это конец, когда мой мёртвый любовник снова настиг меня. Ему было мало. Ему всегда мало... Теперь он не тратил время на магию очарования, он повторял свой акт прямо на дне своего захоронения. Сырые стены дурно пахли, и с каждым нашим содроганием на меня падали влажные куски могильной грязи. Мне показалось, что прошла целая вечность. Весь этот кошмар закончился, лишь только когда я была на верном пути потерять рассудок.

– Давай-ка, пей чай, он поможет, – шепнула бабушка и придвинула кружку.

– Простите, что рассказываю в таких подробностях, мне надо кому-то это рассказать... Никто не поверит и не поймет.

– Я понимаю...

– Проснувшись, я поняла, что мне всё ненавистно. Я не могла ни есть ни пить, ни смотреть на себя в зеркало. Я ненавидела всё, и себя тоже.

Бабушка многозначительно вздохнула:

– А что Леонид?

– Разумеется, Лёня был рад. Он успокаивал, проявлял заботу, как никогда раньше. Сам изъявил желание пойти к вам за помощью. Я же хотела теперь только одного – поскорее избавиться от этой чёртовой кровати. Но когда он вернулся и сообщил, что я должна буду это сделать сама, я, понятное дело, не поверила своим ушам.

– Понятное дело, – добавила бабушка.

– К вечеру отвращение пересилило страх...

– Должно было пересилить...

– В преддверии ночи мы выехали на тот самый перекрёсток с кроватью.

– А как узнали где он? — удивилась ведунья.

– Лёня не захотел к вам идти во второй раз, и разыскал Владимира, вашего соседа. Он и показал нам место. Мы разрубили кровать на доски, погрузили в наш москвич и отправились в тайное место. Муж остался у кладбищенских ворот, я же, взяв побольше досок отправилась на могилу. Владимир рассказал, что я найду её по груде деревянных предметов. Но я нашла её по чутью.

Лиза замолчала, вытирая слезы.

– Когда среди сваленных в кучу деревянных предметов я разглядела еще одну разобранную на доски кровать, я вдруг поняла, что не первая и не последняя жертва этого злодея. Оставив ношу на земле, я направилась обратно. То и дело я наблюдала какое-то движение, словно кладбище обитаемо, будто его не покинули умершие. Это шевеление земли и пристальный взгляд со всех сторон. Я точно знала, что не была одна. Стараясь смотреть исключительно под ноги, я всё же краем глаза замечала дыхание холмов и тени, проплывающие мимо покосившихся могильных камней. Во второй раз со страху я набрала так много досок, сколько могла поднять с земли. «Три ходки» сказала я себе. Кладбище всё больше оживало с каждым моим появлением. Голова шла кругом, горло сдавило удушье. Считая секунды, я продолжала нести тяжёлую ношу – расплату за все страстные ночи, что мне подарил любовник-мертвец. Но то, что произошло дальше...

– И что же? – исподлобья глянула ведунья.

– Я дошла до захоронения и стала искать место, чтобы сложить последние фрагменты кровати, как вдруг увидела могилу открытой. Сердце забилося как бешеное, колени подогнулись. Бросив доски, я решила бежать прочь, когда услышала протяжные женские стоны. Они доносились прямо оттуда, из земли. Такие знакомые и сладострастные. Клянусь богом я хотела уйти, но ноги не слушались. Они повернули обратно и сами зашагали к могиле.

– Прямо-таки сами?

– Я должна была увидеть его в последний раз. Увидеть нас... И я увидела! Теперь я наблюдала за собой со стороны. Моё тело лежало на дне земляной ямы и извивалось в экстазе. Мой любовник был прежним. Его тело сияло молодостью, он был снова красив и сексуален. Он прикасался к моему телу, он целовал его так же, как и прежде. Я поняла, что он скучает по мне! Он осознал свою ошибку и сожалеет о том, что сотворил прошлой ночью. С упованием я смотрела на нас со стороны: мы были идеальной парой во всех смыслах! Волна страсти обрушилась на моё брэнное тело. Всё, что он делает со мной на дне той могилы, я ощущала здесь и сейчас. Я упала не колени, я держалась из последних сил, чтобы не спрыгнуть к нему.

– Лиза, – разочарованно протянула бабушка.

– Знаю, знаю... Но это такая любовь! Её невозможно контролировать.

– Любовь ли? – спросила бабушка, но гостя её не слышала.

– Моё тело горело, и теперь мне было уже всё равно, что со мной будет! – продолжала она. – Я перевернулась на спину и, лёжа на земле, принялась снимать с себя одежду, ясно ощущая все его бесстыдные прикосновения. Он, как и прежде, читал мои мысли и точно знал, где надавить, а где легонько погладить. Когда подразнить, а когда с силой прижать к себе. Обнажив себя полностью, я вдруг почувствовала, что вместо его ладоней по мне что-то ползает.

– Конечно, система охраны...

– Вы знаете про насекомых? – спросила рассказчица.

– Знаю, как же не знать...

– Их было несчётное множество. Они ловко перебирались по обнажённому телу своими омерзительными лапками. Они вылезали из влажной земли и атаковали меня. Забыв о страсти, я тотчас вскочила на ноги и принялась отряхивать с себя этих тварей. Он безжалостно обманул меня. Забыв про одежду я бежала от могилы нагая. Мне было омерзительно думать о своём любовнике, но ещё более мерзко о себе, осознавая, как я низко я пала под чарами колдовской любви. Вслед раздался его смех. Этот дьявольский хохот снова раздевал меня, но на этот раз избавляя вовсе не от одежды. Он, кажется, обнажал мою душу. Я добежала до машины. Леонид ничего не спрашивал. Он молча отдал мне куртку. Мы до сих пор не разговариваем.

– Что ж, ты всё сделала верно, если пришла спросить меня об этом... – после долгой паузы заговорила ведунья.

– Я хотела спросить вас ещё и о другом, – скомкано произнесла Лиза.

– Спрашивай.

– Вы можете избавить меня от колдовской любви? Что бы этот человек, точнее не совсем человек, – замылась гостья. – Одним словом, что бы он не творил со мной, я всё ещё не могу забыть его...

Бабушка тянула с ответом. Я же торжествовала такой расправой над своей соперницей. Однако теперь я совсем запуталась в понимании, кто же на самом деле колдун. Кто он такой, что он такое? Быть может, я как и Лиза была под воздействием его чар?

– Хм, – задумалась бабушка. – По правде говоря, я совершенно не уверена, что на вас какая-то магия, особенно любовного характера.

– Нет, позвольте! Это не нормально. Такая страсть, такой неуправляемый огонь... Во сне я любила совсем по-другому. Мои чувства к этому чудовищу были так обострены, что я могла отдать всё за ещё одну ночь с ним. Разве это не колдовство? Мне комфортно и приятно жить с Леонидом. Я искренне полагала, что люблю его, но эта страсть... Я никогда не чувствовала такого к мужу. Быть может, в вашей практике есть снадобья, чтобы я могла снова пережить всё это, но уже со своим собственным супругом? Я отдала бы всё за такое колдовство!

– Такого колдовства нет, дорогая моя. У подобной любви совсем другая природа.

– Какая же? – вспыхнула надеждой она.

– В каждом из нас хванится память о своем близнецовом пламени. Душа способна забыть свои воплощения, и пережитый опыт прошлых жизней, но нам не дано забыть любовь к своей второй половинке. Однажды разлучившись со своим пламенем, мы ищем его в каждом последующем воплощении.

– Так он моя вторая половинка? – задыхаясь спросила Лиза.

– Не думаю... Просто магия колдуна может разбудить в нас воспоминания о близнецовом пламени. Этот маг способен настраиваться на женские вибрации и повторять их, имитируя вибрации второй половинки.

Гостья поросила вторую порцию чая. Она долго молчала.

– А как встретить своё близнецовое пламя? – наконец, заговорила она. – Очевидно, Лёня не моя вторая половинка...

– Нет, он не ваше пламя, а вы не его. Но это не значит, что ваша семейная жизнь невозможна. Близнецовые пламена договариваются о встрече задолго до воплощения. И эта встреча

предназначена вовсе не для секса. Конечно, они сливаются воедино, и это незабываемое действо. В их слиянии загораются все стихии, передавая совсем иные вибрации Матушке Земле. Но у пламён много других задач, которые им приходится исполнять на пути к воссоединению. И есть ли такая задача в твоём нынешнем воплощении я не знаю.

– Не скажу, что я всё понимаю из того, что вы мне сейчас говорите, но я постараюсь... Постараюсь понять. Объясните только, что мне делать с этой тоской?

– Ох, дорогая, мне очень жаль, что ты познала близнецовый огонь раньше, чем встретила свою истинную половинку. Старайся, не старайся, но забыть это невозможно...

– Спасибо вам и за чай и... За всё спасибо! – Лиза встала и вышла за дверь. Бабушка проводила её. За калиткой я услышала голос Леонида. Он пришёл за супругой, стало быть простил. Стало быть у них всё будет хорошо.

Запустив руку под матрас в поисках щепки, я внезапно обнаружила, что её там нет. Отдав деревяшку во сне, я, кажется, отдала её наяву. Обыскав постель, я так ничего не нашла. Тем временем бабушка вернулась в дом, а я вышла из-за ширмы.

– Всё слышала? – строго спросила она.

– Всё, – призналась я.

– Хм, ну что ж, спрашивай, что тебя гложет?

– Как колдун настраивается на женские вибрации? Как это происходит?

– Ну, во-первых, он уводит любовниц в другой мир – туда, где обнажается их душа. А душою мы чувствуем страсть по-другому, да и любим, впрочем, совсем по-другому. Подобно телу без одежды, наша душа без тела более чувствительна к энергиям любви и страсти. В редких случаях люди могут почувствовать в реальном мире то, что способна почувствовать их душа за пределом реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.